

Институты и функциональные особенности гражданского общества в СССР-РФ

Institutions and Functional Features of Civil Society in the USSR and Russia

Барашков Григорий Михайлович

кандидат политических наук, доцент

Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им.

Н.Г. Чернышевского, кафедра политических наук

Barashkov Gregory M.

Doctorate of Political Sciences, Associate Professor

National Research Saratov State University. NG Chernyshevsky,

Cathedra of Political Science

Тел./ tel. +79172047755

E-mail: eternity65@yandex.ru

УДК 32.01

ББК 66.2

Б 24

В статье рассматривается становление институтов гражданского общества в СССР – Российской Федерации, их специфика, функциональная особенность, и влияние на политические процессы исследуемого периода.

Ключевые слова: *гражданское общество, российский опыт демократизации, институты гражданского общества, российская специфика гражданского общества, особенности функционирования гражданского общества в России.*

Development of civil society institutions in the USSR and Russia, their peculiarities, functional features and impact on political processes of the investigated time period are considered in this article.

Key words: *civil society, Russian experience of democratization, institutions of civil society, Russian peculiarities of civil society, functional features of civil society in Russia.*

Условия зарождения гражданского общества в России отличались от аналогичных процессов на Западе. На формирование гражданского общества в России, на ее культурно-цивилизационное многообразие влияли следующие факторы.

Во-первых, большие географические пространства, экстенсивный способ их освоения в неблагоприятных климатических и природных условиях предопределили низкий уровень цивилизованности и социокультурного мироустройства¹. Во-вторых, социальная эволюция осуществлялась по принципу «сильное государство – слабое общество»,

---

¹ Соловьев В.Н. Условия формирования гражданского общества в России. М., 2008. С. 18.

общество оказалось не в состоянии ограничить политическую власть. Доминантной формой социальной организации стала государственность, что изначально формировало соответствующее нормативно-ценностное пространство. В-третьих, это наличие института «власть – собственность», когда власть над людьми сочетается с властью над собственностью, что сближало Россию с восточным социально-политическим устройством. В четвертых, это неразвитая городская культура и неоформленный городской образ жизни, соответственно, большой удельный вес субкультуры простолюдинов, то есть людей, лишенных индивидуально-субъективного начала, не способных и не желающих отвечать на вызов меняющихся обстоятельств. Их отличительный признак – неприятие таких проявлений личности, как свобода, достоинство, собственность². В пятых, неразвитость рынка в условиях господства крестьянской общины и подавляющей доли крестьян в составе населения и, соответственно, недостаточное развитие частной собственности, стимулов сельскохозяйственного труда, предпринимательства. Даже с отменой крепостного права при несомненном оживлении хозяйственной жизни община продолжала сковывать инициативу подавляющего большинства населения.

Эти российские особенности следует сопоставлять с цивилизационными и упущенными альтернативами, в том числе с возможностями формирования гражданского общества. На наш взгляд, эти возможности относились в большей степени к XX веку, чем веку XIX, в котором был проделан путь, вполне адекватный ситуации пореформенной России. А уже с 17 октября 1905 года появилась принципиальная возможность для России стать конституционной монархией, но эта альтернатива не реализовалась. Реформы П.А. Столыпина заложили возможность «размывания» общины, препятствовавшей становлению гражданского общества, но и им не суждено было реализоваться в полной мере.

После Октябрьской революции в политической сфере стала доминировать большевистская партия, а затем советское государство во всех сферах общественного бытия. Этатизм и идея классовой борьбы вытеснили идею гражданского общества, а формализация общественной жизни и отсутствие гарантий личных прав и свобод нанесли ощутимый удар по идее гражданского общества.

Отдельные авторы считают, что даже в тоталитарных и авторитарных государствах существует гражданское общество особого типа, или протогражданское общество³. Я. Пляйс, например полагает, что тоталитарные и авторитарные режимы создавали различные общественные

---

² Там же. С. 19.

³ См.: Пляйс Я. Возникновение и этапы развития гражданского общества //Обозреватель. 2007. №5. С. 72.

организации неполитического характера, которые их обслуживали, но одновременно служили и своим членам, то есть интересам определенной части общества. Далее он отмечает, что «основная функция структур, создаваемых по воле...всесильного... государства – служение этому государству, в то время как служение людям стоит на втором плане. При зрелом гражданском обществе все как раз наоборот. Эта разница весьма существенная, но все же не принципиальная»⁴.

Вместе с тем, советский режим не был однородным, он эволюционировал в сторону демократизации и либерализации, что давало возможность проявлениям гражданской самоорганизации. Если анализировать доперестроечный период, то мы можем констатировать, что свободные ассоциации граждан полностью подавлялись правящей коммунистической партией, в частности с помощью использования института неуставных партийных организаций, создававшихся во всех общественных структурах того времени – от Советов депутатов трудящихся всех уровней до добровольных обществ различной направленности, и государством, чьи репрессивные органы были использованы коммунистической партией.

Однако государство, так же как и коммунистическая партия в советской политической мысли представлялось как выразитель общих интересов и гражданского общества, чьи организации представлялись выразителями частных интересов. Гражданское общество было жестко структурировано. Политические движения практически не существовали, политическая партия была единственной партией, в отличие даже от близких по сущности европейских стран социализма. Общественные организации существовали и были зарегистрированы в органах юстиции, но не могли влиять на политическую жизнь страны. Только в период перестройки они при первых альтернативных выборах народных депутатов СССР (1989 г.) и РСФСР (1990 г.) получили возможность избрать половину всего депутатского корпуса.

Исходной для будущих радикальных участников организаций гражданского общества стала психология «винтиков», вписанных в иерархию отношений административно-командной управленческой структуры и отражавших согласие с действительностью. Эта психология существенно влияла на правосознание и поведение людей, обеспечивала всевластие партийных и советских структур, которое воплощалось в господстве внеэкономических методов принуждения, стимулирования и поощрения. Традиция поклонения перед властью (часто персонифицированной) дополнялась страхом перед потенциальными репрессиями (плохая характеристика, ограничения в продвижении по службе и т. п.). Коллективистская

---

⁴ Там же.

компонента системы образования подавляла личностную, индивидуалистскую, приводя к трансформации межличностных отношений в рамках общности. Коллективная ориентация на уравнительность как цель общества приводила к личной политической подчиненности. Конституционно-правовая ориентация граждан (преамбула Конституции СССР 1977 г.) на строительство коммунизма, а также личное участие в массовых ритуальных формах поддержки властей (например, в первомайской или ноябрьской демонстрациях, в собраниях трудового коллектива) вследствие принятия лозунгов или ради самосохранения (санкции за неучастие для членов партии выражались в виде критики на партсобрании или даже в партийном выговоре, для беспартийных — в публичном осуждении или даже отражении в характеристике) существенно дополняли негативные факторы становления гражданского общества⁵.

Изменениям в массовом правосознании предшествовали условия «оттепели» хрущевского периода. После развенчания культа личности и массовой реабилитации жертв сталинских репрессий внесудебные формы преследования политических и идеологических оппонентов ушли в прошлое, были отменены политические и идеологические статьи законодательства. Однако борьба с инакомыслием и инакомыслящими продолжалась.

Инакомыслие не могло преодолеть барьеры, установленные правящей партией. Сохранялась система образования, стандарты которой базировались на марксистско-ленинской (причем в ортодоксальном виде, резко отличавшемся от позиций зарубежных марксистов) платформе. Книгоиздательство подвергалось жесткой селекции и цензуре. Средства массовой информации полностью подчинялись политике партии. Возможности литературы, драматургии и кинематографии определялись и ограничивались социально-идеологическим «заказом». Исключение составлял «эзопов язык», понятный только «посвященным».

Инакомыслящие же получили некоторые «послабления» в виде более разнообразного «букета» санкций и их оснований, которыми становились только действия. Действия по созданию организации инакомыслящих могли получать правовую оценку суда и санкции КГБ. Нелегальные издания («самиздат») могли повлечь за собой уничтожение тиража, штраф, увольнение с работы и т.п. Пересылка текстов для издания за границу в зависимости от значимости нарушителей могла закончиться либо публичным осуждением (Б. Пастернак), либо преследованием и часто высылкой за границу и лишением гражданства (И. Бродский, А. Солженицын, А. Синявский). Несанкционированные митинги в сочетании с другими действиями могли приводить к санкциям, определенным судом, либо к принудительному лечению⁶.

---

⁵ Гозман Л.Я. Психологические аспекты торможения социальных изменений // Вопросы психологии. 1988. №6. С. 5-14.

⁶ См., Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 2001.

Вместе с тем уже само возникновение и существование диссидентских движений означало как наличие иных условий, так и сдвиги в массовом правосознании и психологии, воплотившиеся в деятельности пока еще очень ограниченной части интеллигенции.

Как мы можем предположить, период «стабильности» в брежневском руководстве не был лишен элементов сложной борьбы внутри партии и в обществе. Но особенного внимания заслуживают взаимоотношения между режимом, становящимся на все более консервативные политические и идеологические позиции, и общественными силами, противящимися консервативному повороту. Эти взаимоотношения происходили вне официальных политических или культурных систем и механизмов, и получивших позднее различные определения – движение диссидентов, движение инакомыслящих, движение за права человека и тому подобное⁷.

Отметим, что движение диссидентов не было однородным образованием, а представляло собой течения разнообразной идеологической направленности. Отсутствие политических организаций не означало отсутствия политических дискуссий. Современные исследователи выделяют следующие направления между представителями трех взглядов, оформлявшихся вместе с диссидентским движением:

1. Направление, возлагающее надежды на духовное возрождение русского народа, связанное с религиозным возрождением (А.Солженицын). Он критикует демократическую форму правления, считая, что она бессильна перед лицом тоталитаризма; несправедлива и случайна, поскольку заменяет общее согласие законом математического большинства; бессодержательна, так как лишена всякого трансцендентного начала. А.Солженицын предлагает медленный плавный спуск через авторитарную систему.

В общественных отношениях позиция А.Солженицына – «Неучастие во лжи», изложена им в обращении к интеллигенции, молодежи, соотечественникам: «Наш путь: ни в чем не поддерживать лжи сознательно! Осознав, где граница лжи (для каждого она еще по-разному видна), - отступить от этой гангреной границы!»⁸

2. Направление, представителем которого являлся А.Д.Сахаров, с «теорией конвергенции», то есть сближения двух противоположных политических систем в вопросах экономики, политики, идеологии, и теряющих в этом процессе свои отрицательные стороны. Это направление выступало за нравственное начало в политике, подготавливающее в сознании людей основы демократических, плюралистических преобразований в стране.

---

⁷ Береснева О. Н. Диссидентское движение как явление общественно-политической жизни СССР в 1960-1980 годах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Саратов.2001.С.44.

⁸ Солженицын А.И. Жить не по лжи! //Век XX и мир. 1989.№2.С.23.

3. Направление сторонников взглядов историка Р.Медведева. Он полагал, что положение в стране может быть «изменено марксистами недогматического толка, способными создать новый облик социализма»⁹.

Несмотря на то, что эти направления инакомыслия жестко конкурировали между собой за право влиять на общество и власть, они применяли одинаковые формы выражения своих позиций – самиздат и открытые обращения к лидерам советского государства¹⁰.

Вместе с тем, в движении протеста отмечались определенные изменения: вера в социализм, характерная для 50-х - начала 70-х годов, «социализм с человеческим лицом», на изменения в политической системе путем ее десталинизации, уступает место борьбе за права человека, которая становится центральной темой политического протеста. На место веры в социализм приходят требования соблюдения законов, изменения отечественного законодательства путем его приближения к международным юридическим стандартам, замену социалистической демократии, демократией западного типа.

Применение методов протеста, апеллирующих к мировому общественному мнению, создали то, что стало называться «диссидентским движением». «Комитет защиты прав человека», основанный в 1970 году А.Д.Сахаровым, В.Н.Чалидзе, А.Н.Твердохлебовым, в 1973 году - русская секция «Международной амнистии» во главе с В.Ф.Турчиным, - явились по сути «первой, открытой диссидентской группой»¹¹.

Важнейшим событием для диссидентского движения стало подписание в августе 1975 года Советским Союзом Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе¹². Заключительный акт конференции состоял из соглашений, касавшихся трех проблем:

1. проблема политическая. Были подтверждены нерушимость послевоенных границ и территориальная целостность государств, а также признавалась нерушимой зона реального социализма в Европе;

2. проблема экономическая. Состоялись соглашения о расширении экономических связей, которые включали в себя оказание Западом экономической помощи СССР и странам народной демократии в модернизации производства.

3. проблема гуманитарная. Запад выражал надежду, что СССР и другие страны народной демократии ослабят «железный занавес», будут

---

⁹ Генер М., Некрич А. История России. 1917-1995. В 4-х т. Т. 2. М.1996. С.268.

¹⁰ См.: Русина Ю.А. Самиздат или форма проявления инакомыслия в 1960 – 1980 –е гг. //Российская интеллигенция: критика исторического опыта. Тезисы докладов Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 80- летию сборника «Смена вех», 1-2 июня 2001 года. Екатеринбург. 2001. С.188.

¹¹ Кузьмин В.Н. От правозащитного движения к многопартийности в России. (1965-1996 гг.) Кемерово. 1997.С.42.

¹² Генер М., Некрич А. История России.1917-1995. В 4-х т. Т.2.М.1996. С.231.

соблюдаться права человека, определенные политические свободы, как и тот факт, что контроль за соблюдением этих прав интернационализируется и перестанет быть вопросом только внутренней политики.

Массовое правосознание, предшествовавшее переходному периоду, условно — с начала перестройки, которое обычно отсчитывают с апрельского 1985 года Пленума ЦК КПСС, где М. С. Горбачев выступил с концепцией ускорения научно-технического прогресса, хотя, перестройка реально началась позже, с январского (1987 г.) Пленума ЦК, посвященного демократизации общества, еще не было готово к радикальным переменам¹³.

«Мостик», который можно перекинуть от проблемы радикализма к проблеме гражданского общества, появляется в период позднего перестроечного процесса, когда начали создаваться организации, которые ранее не существовали. Демократизация первоначально предполагала развитие событий, по крайней мере, по трем направлениям. Первое — это выборы на предприятиях руководителей среднего и высшего звеньев. Позитивная идея не дала ожидаемых результатов — менталитет рабочих-выборщиков формировался в других условиях, имевших место в 1970—1980-е гг., когда ценность руководителя была не в рациональности и эффективности — результаты все равно нивелировались всей системой морального и материального поощрения, а в его покладистости и примирительном отношении к довольно частым нарушениям трудовой дисциплины.

Вторым направлением демократизации стала гласность, которая, несмотря на негативные латентные последствия, была шагом вперед. Гласность подталкивала к переоценке пути, который прошла наша страна, начиная от периода революции и Гражданской войны. Появились новые оценки экономической и социальной жизни, решения национальных проблем. В острой постановке прозвучал вопрос о доверии к компартии, допустившей столь масштабные репрессии; об ошибках, которые были допущены и продолжали допускаться, ухудшая экономическое положение основной массы населения. Это недоверие и переоценка исторического пути стали основаниями для формирования нового правосознания и создания целого ряда радикальных движений переходного периода¹⁴. Гласность создала возможность знакомства с наследием эмигрантов первой волны и с их оценкой Октября, Гражданской войны, Белого движения, затем последующей межвоенной эмиграции, в которую входили представители большевистской верхушки, в чем-то несогласные со сталинским руководством — это троцкистское партийное крыло и отдельные противники централизации власти в руках Сталина и других проявлений авторитаризма

---

¹³ См., например, Маслова А.Г., Маслова А.О. От социального конформизма к политическому участию // Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1992. №2.

¹⁴ Грушин Б. А. Процессы массовизации в современном обществе // Рабочий класс и современный мир. 1988. № 6. С. 30—47.

вождя. Их мало, но их имена, воспоминания, оценки начинали наполнять научные и популярные издания. Эмиграция послевоенного периода — это еще недавние диссиденты, чьи суждения были ценны тем, что они не были отдалены временем и их суждения могли разделяться современниками. Возвращались имена и содержание идей репрессированных соотечественников как политической элиты, так и деятелей культуры, идеологических оппонентов большевизма.

Гласность — это направление, которое давало возможность свободно оценивать то, что происходило на глазах: состояние режима, связей, номенклатурных отношений, административно-командной системы, просчеты, имевшие структурный характер и отдельные случайные негативные проявления. Все это выплескивалось в виде критических материалов в СМИ: в общественно-публицистической периодике, читавшейся широким кругом населения. В «толстых» журналах — достоянии интеллигенции, появился ряд «властителей дум», умело использовавших ситуацию и свой талант «быстрого пера». Было много недостоверного, надуманного, заложенного в комментарии к реальным фактам и событиям, но все это создавало определенный фон, при котором для власти уже было затруднительно вернуться назад, «закрутить гайки».

Третье направление демократизации состояло в возможности подготовки и проведения альтернативных выборов. Но поскольку КПСС оставалась единственной партией вплоть до середины 1990 г., то альтернативность возникала за счет создания различных движений. Так, первые объединения избирателей 1989—1990 гг., получившие право выдвижения своих кандидатов в противовес кандидатам «блока коммунистов и беспартийных», появились на базе дискуссионных клубов в поддержку перестройки в крупнейших городах страны. Как и предполагали классики социальной психологии (Г. Лебон, К. Юнг, С. Московичи¹⁵), в условиях господства мифов и иллюзий можно было усмотреть и элементы организации и толпы. Организации формировались в движения, а затем — в партии.

На примере опыта ряда крупных городов, можно первыми по времени появления считать правозащитные движения, потом движения в защиту памятников культуры, а в республиках — движения в защиту национальной культуры (как правило, титульного этноса). Эти движения при заметных различиях в целях были едины в одном — они отражали радикальные настроения населения в отношении норм и традиций советского времени. Самым парадоксальным образом установка на уравнительность обрела консервативный оттенок. Напротив, либеральные иллюзии (например,

---

¹⁵ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995; Одайник В. Психология политики: Политические и социальные идеи К. Г. Юнга. М., 1996; Московичи С. Век толпы. М., 1997.

конкурс вместо номенклатуры) в сочетании с демократическими ожиданиями стали укрепляться в массовом сознании как элементы правовых установок¹⁶.

Политическая социализация в сочетании с появившимися новыми политическими институтами явно опережала экономические преобразования и формирование правовых установок. Прямым результатом такого процесса стало поражение правящей партии и разрушение политической системы под ударами радикальных движений гражданского общества. Косвенными результатами стали криминогенные условия жизни постсоветского общества и рост преступности.

Эрозия коммунистических режимов в конце 80—90-х годов уходящего XX в. привела к обновленному интересу к возможностям гражданского общества противостоять тоталитаризму сначала у диссидентов, затем у политиков и теоретиков из числа разочаровавшихся марксистов. Для одних — это был рецидив индивидуалистического и конституционного либерализма, для других — признание превосходства свободного рынка над централизованной плановой экономикой. Популярность идеи в странах бывшего коммунистического мира способствовала ее общему ренессансу во всех странах либеральной демократии или движущихся в ее направлении.

Ситуацию в странах Центральной и Восточной Европы, с точки зрения идеи гражданского общества наиболее полно выразил Е. Шацкий. По его мнению, отрицание коммунизма и поиск альтернативной позиции явились естественным источником симпатий к либерализму, который в странах реального социализма появился сначала как своего рода коммунизм наоборот, иначе говоря, как своеобразный свод принципов, противоположных официальной идеологии и бывших, по сути дела, негативами коммунистических реалий. Свобода понималась как противоположность повсеместным запретам и ограничениям, права человека и гражданина как противоположность господствующему этатизму, рынок как противоположность плановой экономике и так далее¹⁷. Ключевыми в оппозиционных ценностях были две идеи - автономия личности и гражданское общество.

Интерпретация идеи автономии личности была связана не с оппозицией личности к обществу, а с оппозицией личности к государству, поскольку считалось, что в условиях социализма индивид подвергается нажиму в первую очередь со стороны государства. Поэтому индивид стремился найти поддержку в обществе, которое, по его мнению, также находилось в оппозиции к государству. Но этот подход весьма серьезно отличался от западного

---

¹⁶ Лопушанский И.И. Политическая жизнь Санкт-Петербурга. 1703 – 2003. СПб. 2003. С. 53 – 60.

¹⁷ См.: Шацкий Е. Протолиберализм: автономия личности и гражданское общество // Политические исследования. 1997. № 5. С.69.

понимания свободы личности, где ее уверенно связывали последние сто лет с расширением частной, приватной сферы¹⁸.

Обращение к идее гражданского общества также было вполне естественным, поскольку либерализм основывается на различении государства и общества, различении, которое и отражает большинство современных концепций гражданского общества. По мнению Е. Шацкого, понятие гражданского общества далеко не случайно стало главным оппозиционным лозунгом и приобрело популярность именно в 80-е года XX века, когда оно распространилось под самыми разными названиями: «независимая культура», «параллельные структуры», «альтернативное общество» и другое.

Таким образом, понятие гражданского общества было введено в обращение как само собой разумеющееся, и им стали пользоваться, по мнению Е. Шацкого, как определением не то цели, к которой следовало стремиться, не то наиболее ощутимых результатов оппозиционной деятельности, не то любых, сохранивших независимость от государства отношений и структур. Иногда подчеркивалось, что пока коммунисты находятся у власти, «гражданское общество неизбежно обречено оставаться реальностью для меньшинства, иногда проявлялась тенденция к отождествлению его с обществом как таковым...»¹⁹.

Данная смысловая неоднозначность была связана с использованием понятия прежде всего в пропагандистских, а не аналитических целях. Это имело своим следствием значительную неопределенность термина, что проявлялось в отсутствии четкой границы между описательным и нормативным аспектами. В конечном итоге, как пишет Е. Шацкий, понятие гражданского общества, получившее признание в Восточной Европе, опиралось на какие-либо классические теории либерализма только в той их части, в которой слово «civil», в отличие от своего первоначального значения, получает принципиально «общественное» содержание и перестает быть синонимом слова «political». То есть в данном случае речь идет не только о различении гражданского общества и государства, но и о весьма решительном их противопоставлении²⁰. И более того, «идея гражданского общества появилась в Восточной Европе прежде всего как идея антигосударственная», и в этом ее принципиальное отличие от западной ситуации, где возврат к идее гражданского общества также имел антиэтатический характер, но не включал в себя восприятие государства как по сути своей враждебное и чуждое обществу. По мнению Е. Шацкого, без понятия «оппозиция» такого рода обществу вообще невозможно дать

---

¹⁸ Там же. С. 78.

¹⁹ Шацкий Е. Указ. соч. С. 83.

²⁰ См. там же. С. 84.

определение, поскольку мерой его развития является степень выраженности и многогранности этой оппозиции²¹.

Таким образом, теоретические представления, которые получили распространение в бывших социалистических странах, имели принципиальные особенности, касающиеся понимания самой сущности гражданского общества, его взаимодействия с государством и тем самым серьезно отличались от западноевропейских концепций гражданского общества. Противопоставление гражданского общества и государства основывалось на вытекающем из теории тоталитаризма убеждении, что социалистическое государство проникает во все сферы жизни и тем самым уничтожает гражданское общество, а поэтому борьба за возрождение гражданского общества является борьбой с тоталитаризмом.

В конечном итоге все это оформилось как принципиальные различия между западно - и восточноевропейскими идеями гражданского общества. Во-первых, еще до появления концепции гражданского общества на Западе произошла Реформация, которая привила индивидам «контрольные механизмы» и сформировала основу эмансипации личности. Во-вторых, на Западе гражданское общество, по мнению большинства специалистов, было уже в течение нескольких веков некоей данностью, естественной средой социального взаимодействия. В Восточной Европе гражданское общество появилось как идеологическая конструкция, в которой речь шла о создании нового морального и общественного порядка, но экономическая база которого тем не менее оставалась в высшей степени туманной. Поэтому можно говорить о причинах ограниченности идеи гражданского общества в этом регионе, которых, по мнению Е. Шацкого, было три: во-первых, недопонимание характера отношений между гражданским обществом и государством; во-вторых, недостаточное развитие взглядов на экономическую базу гражданского общества; в-третьих, чрезвычайная расплывчатость представлений о более справедливом обществе, а также весьма условные представления по проблемам представительства и согласования разнородных интересов, неизбежно существующих в обществе с развитой социальной дифференциацией²².

Данные обстоятельства не позволяют классифицировать идею гражданского общества в Восточной Европе как либеральную и без каких-либо оговорок отнести к тому или иному теоретическому западному образцу, хотя, конечно, эти взгляды вполне укладываются в рамки западной либеральной традиции, но одновременно во многом и не совпадают с ней.

Своеобразие восточноевропейской идеи гражданского общества последней четверти двадцатого века отмечается и в более широком контексте

---

²¹ См. там же. С. 84.

²² См. Там же. С. 85.

теорий «демократического транзита» с их ключевыми понятиями «переход к демократии» и «закрепление демократии». В рамках этого подхода происходящее в постсоциалистических странах трактуется как одно из проявлений современной общемировой тенденции к демократизации.

Становление гражданского общества в современной России происходило в уникальной исторической ситуации: исчерпанность советской модели организации социума выражалась в процессах его самораспада. Облик гражданского общества складывался в начале 1990-х годов под воздействием адаптировавшихся к новым реалиям старых советских структур, выпадения из социальных отношений большого количества людей и разного рода тенденций, структурирующих новый тип социума. В этой связи анализ институтов гражданского общества в России предполагает рассмотрение развития и современного состояния политических партий и групп интересов, а также общей эволюции принципов взаимодействия данных институтов и государства в процессах выработки публичной политики.

В своем развитии современные политические партии в России прошли три основных этапа:

1. становление политического плюрализма в СССР и соответственно России до развала СССР (1986 – 1991 гг.);
2. формирование политических партий в процессе электоральной борьбы (1992 – 1999 гг.);
3. превращение политических партий в политико-административных агентов государства (с 2003 г.).

Становление политического плюрализма в СССР началось в период Перестройки с середины 1980-х годов, которая позволила возникнуть ряду групп, сыгравших впоследствии существенную роль в формировании политических партий. На этом этапе можно выделить четыре основных тенденций.

Во - первых, диссидентские группы не сыграли той роли, которую подобные группы имели в Центральной и Восточной Европе периода третьей волны демократизации. На формирование политического плюрализма в СССР большее влияние оказали так называемые «неформальные группы», активная деятельность которых пришлась на вторую половину 80-х гг. В 1986 г. в Москве и Ленинграде возникли первые неформальные клубы, еще провозглашавшие социалистические лозунги, но уже противостоявшие официальной коммунистической идеологии. Объединение ряда клубов в региональные народные фронты, а затем — в Народный фронт РСФСР, создало условия для активной оппозиционной деятельности на выборах в Советы в 1989 и 1990 гг. По новому Закону о выборах объединения избирателей, основу которых зачастую составляли эти клубы, получили

право выдвигать в избирательных округах своих кандидатов, соперничавших с кандидатами от «блока коммунистов и беспартийных».

Во - вторых, консолидация демократических сил происходила и в рамках Съезда народных депутатов СССР, избранного в 1989 г. Здесь сформировалась влиятельная и активная межрегиональная депутатская группа, лидером которой стал главный оппозиционер и будущий президент России Борис Ельцин.

В - третьих, в конце 1980-х возникли первые политические организации, которые называли себя партиями, такие как Христианско-демократический союз, Союз конституционных демократов, Конфедерация анархо-синдикалистов (1989), Демократическая партия России, Социал-демократическая партия РФ (1990) и другие. Возможность легальной деятельности этих организаций как партий возникла после отмены статьи 6 Конституции СССР в марте 1990 г.

В – четвертых, процессы дифференциации происходили и в правящей еще КПСС. В 1990 году в ней было сформировано объединение под названием Демократическая платформа в КПСС, деятельность которой привела к образованию ряда партий, например, Республиканской партии.

После принятия новой Конституции в 1993 году, и связанными в связи с этим изменениями в политической системе, стала формироваться российская политическая система с множеством партий, различной идеологической окраски, с доминированием левых сил.

Избирательный цикл 2003 – 2007 годов существенно изменили партийно – политический спектр России. Роль доминирующей партии стала выполнять «Единая Россия», которая стала называться партией власти. Левые партии были значительно потеснены, а правым либеральным партиям СПС и «Яблоку» не удалось пройти в парламент.

Преобразование партий в политико-административных агентов государства является характерной чертой современного этапа партийного строительства. Стоит согласиться с немецким исследователем Э. Шнайдером, который считает, что «было бы неправильно автоматически делать вывод о недемократичности Государственной Думы только на основании того факта, что две трети парламента поддерживают правительство... Тем не менее, с учетом того, что к президентскому лагерю следует отнести по сути все партии, кроме разве что КПрФ, да при этом принять во внимание, что «Единая Россия»...захватила должности председателей всех 29 комитетов (нередко также и первых заместителей председателя), оставив все остальные фракции без единого председательского кресла, то можно действительно задаться вопросом, является ли еще Госдума местом политического противоборства»²³, или «местом для дискуссий». Хотя этот процесс

---

²³ Шнайдер Э. Россия после выборов //Вестник аналитики. 2004. №2. С. 10.

неравномерен и в разной степени касается всех партий, тем не менее ряд существенных характеристик отрыва партий от исходных интересов формирующегося гражданского общества заставляет говорить о том, что партийно – политическое общество в России все ближе смыкается с государством.

Одним из факторов подтверждающим данный тезис является образование в канун выборов 2011 года народных фронтов, прежде всего, конечно, ОНФ, как наиболее многочисленного и созданного под патронажем власти. Власть ищет новые формы взаимодействия с обществом. Это объясняется тем, что старая модель построения гражданского общества в целом не вписывается в концепцию «вертикали власти», и вызывает лишние проблемы для власти. Но провозглашенные с высоких трибун заявления о необходимости построения в России гражданского общества и демократизации страны должны подкрепляться на практике, что собственно говоря, и подталкивает власть на поиск модели гражданского общества в России, отвечающей текущему моменту. Создание таких объединенных фронтов должно создать определенную иллюзию тесного взаимодействия власти и общества, соучастия, взаимного интереса на благо общей цели. И именно через такие фронты власть может контролировать и управлять ситуацией, а общественные организации превратятся в филиал «Единой России». Таким образом, гражданское развитие происходит не через участие граждан в равноправном диалоге с органами государственной власти, а через процессы задаваемые и управляемые «сверху».

Более того, создание подобного рода объединений является признанием недееспособности или ограниченной дееспособности российских политических партий. Российская партийная система, а, следовательно, и политическая система переживает серьезный кризис. Партии, либо создаются по велению администрации Президента, либо не могут быть зарегистрированными. Действующие же партии, даже те, которые заявляют о своей оппозиционности, находятся под давлением властей, что, безусловно, сковывает их инициативу.

Исследуя группы интересов в современной России, следует отметить, что данные группы, так же как и партии, прошли три основных этапа:

1. возникновение и функционирование групп интересов в СССР (середина 1950-х – начало 1990-х годов);
2. признание групп интересов в качестве легитимных субъектов политики и возникновение открытой межгрупповой конкурентной борьбы (начало 1990-х – 1999 год);
3. ограничение группового плюрализма и превращение наиболее значительных групп интересов в политико-административных и социальных агентов государства (с 2000 года).

Возникновение в СССР групп интересов относится к середине 1950-х – середине 1960-х годов и связано с либерализацией политического режима, в результате чего внутри властно-управленческого аппарата, вокруг различных его элементов (ведомств, отраслей, предприятий и так далее) начали формироваться многочисленные партикулярные группы интересов.

Исследователь Г. Скиллинг полагал весьма важным изучение процессов артикуляции и агрегации интересов в условиях, когда советская политика уже не была направлена на революционное преобразование общества, однако автономная политическая мобилизация, свобода слова и свобода организации отсутствовали. Он утверждал, что «индустриализация породила в Советском Союзе разнообразные организованные и не организованные интересы, взаимодействие которых на политической арене необходимо принимать во внимание при объяснении политической борьбы и ее исходов»²⁴.

Другой зарубежный исследователь Дж. Хог подчеркивал, что в центре советского политического процесса лежал «бюрократический конфликт», участниками которого выступали специфические группы интересов — «комплексы», состоявшие из «специализированного партийного, государственного, общественного и научного персонала, работавшего в пределах соответствующих областей политики». К этим «комплексам» он причислял ведущие министерства и ведомства, полагая, что те в большинстве случаев действовали совместно с их «естественными союзниками» — подразделениями аппарата ЦК, контролировавшими их работу. Дж. Хог признавал, что «окончательная власть была сконцентрирована в высших органах Коммунистической партии». Тем не менее, он считал, что партийные лидеры не действовали «волонтаристски», а в целом вынуждены были следовать советам специализированных комплексов в соответствующих их профилю областях политики. Ограничивая себя «посредничеством в конфликтах», которые возникали между данными комплексами, они практически делегировали комплексам полномочия в выработке политических решений, оставляя за высшими органами партии лишь роль «заключительных арбитров»²⁵.

В целом, можно сказать, что в СССР группы интересов оказывали существенное воздействие на процессы выработки государственной политики и формировались вокруг ведомственных и региональных административно-бюрократических структур. Среди наиболее влиятельных групп интересов в СССР исследователи выделяют как ряд отраслевых комплексов (военно-промышленный, строительный, горно-металлургический, топливно-энергетический, химический, аграрный, машиностроительный), так и несколько наиболее значимых региональных

---

²⁴ Цит. по: Бреслауэр Дж. В защиту советологии // Современная сравнительная политология: хрестоматия. М., 1997. С. 267.

²⁵ См.: Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. И.И. Кальной. – СПб. 2006. С. 196.

партийно - государственных групп (московская, ленинградская, украинская)²⁶.

Признание групп интересов в качестве легитимных субъектов политики и возникновение открытой межгрупповой конкурентной борьбы происходит в начале 1990-х годов и связано с политической (демократизация политической системы) и экономической (введение рыночных институтов) трансформацией российского общества.

Наиболее заметными в этот период становятся группы интересов, связанные с так называемыми «олигархами», интегрированными финансово-промышленными группами, крупнейшими банками и различными частями бюрократического аппарата²⁷. Социально-экономической основой для появления указанных групп интересов послужили особенности экономической реформы в современной России. В первую очередь, — это номенклатурный характер отечественной приватизации, которая не только не размыла систему номенклатурно-бюрократического «рынка власти», но и закрепила взаимоотношения государства и вновь возникшего бизнеса на основе принципов бюрократического рынка с неразделенностью экономической и политической власти, и перманентной конверсией власти в собственность и собственность во власть²⁸. Данная система, будучи модифицированным вариантом советского административного рынка, привела к формированию привилегированных групп интересов, обладающих доминирующим влиянием на принятие важнейших политических решений. Такие группы возникли на основе экономической олигархии, сконцентрировавшей в своих руках весомую долю национального богатства, и наиболее организованных частей бюрократического аппарата, «приватизировавших» значительный административный ресурс государства²⁹.

Доминирующее положение указанных групп интересов объяснялось как характерной для того периода десубъективизацией государства, так и слабым развитием массовых, не связанных с олигархическими и бюрократическими структурами, групп интересов.

Анализируя в этой связи степень общественно-политической активности граждан и уровень развития институтов гражданского общества в России в 1990-х годов, можно сказать, что, несмотря на сопоставимые с

---

²⁶ См.: Лепехин В. Лоббизм. М., 1995. С. 3—24; Лоббизм в России: Этапы большого пути. М., 1995. С. 10-14.

²⁷ См.: Гаман-Голутвина О. В. Бюрократия или олигархия? // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000. С. 162—172; Кива А. В. Российская олигархия: общее и особенное // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 18 - 28; Лепехин В. А. От административно-политической диктатуры к финансовой олигархии // Общественные науки и современность. 1999. №1 С.66 – 82.

²⁸ См.: Павроз А.В. Генезис российской экономической олигархии (начало – середина 90-х годов) // Современные аспекты экономики. 2004. №3 (54). С. 197 – 202.

²⁹ См.: Кордонский С. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М., 2000. С. 45.; Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину: (Анатомия застоя). М., 1991. С. 31 – 62.

общеευропейскими показателями интереса к политике, количество россиян, участвовавших в общественно-политической деятельности было крайне мало³⁰.

Исходя из вышесказанного, не вызывает удивления и низкие показатели развития третьего сектора в России в 1990-х годов. Несмотря на высокие цифры официальной статистики относительно негосударственных и некоммерческих организаций, реально вели активную деятельность небольшой процент этих организаций³¹.

Большое количество партий, некоммерческих организаций в России в этот период не может считаться истинным индикатором состояния институтов гражданского общества. Большинство из них не обладало чертами подлинно гражданских ассоциаций и было отчуждено от основной массы граждан и формально представляемых ими социальных групп, не доверяющих им и не видящих в них защитников своих интересов³².

Таким образом, слабость институтов гражданского общества, низкая социально-политическая активность граждан, отсутствие гражданской компетентности, неготовность большей части населения к продуктивному освоению демократических институтов и эффективным коллективным действиям с целью отстаивания своих интересов с неизбежностью способствовали доминированию наиболее организованных, привилегированных групп интересов, представляющих верхние страты российского общества в системе социально-политического взаимодействия. Стоит согласиться с выводом Р. Саквы о том, что Россия того периода «сложная система элит подменила собой развитие гражданского общества»³³.

Современный этап развития групп интересов в России берет начало в 2000 году и связан с реформами президента В.В. Путина, характеризуясь превращением наиболее значительных групп интересов в политико-административных и социальных групп государства. Он определяется тремя основными тенденциями.

Во-первых, становятся заметными укрепление российской государственности и ограничение возможностей функционирования и влияния бюрократических групп интересов. Данная тенденция нашла отражение в целом ряде политико-административных преобразований (консолидация центральных политико-государственных институтов, реформа федеративных отношений, административной реформы и т.п.) и ознаменовала собой отказ от прежнего типа лидерства, основанного на

---

³⁰ См.: Российское общество и радикальные реформы: Мониторинг социальных и политических индикаторов. М., 2001. С. 153-156.

³¹ Якимов В. Создание работающих механизмов социального взаимодействия – шанс для возрождения России //Профессионалы и сотрудничество. М., 2000. Вып.4. С. 155 – 156.

³² См.: Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. В 2т. М., 2000; Дилигенский Г.Г. Существует ли в России гражданское общество? //Поговорим о гражданском обществе. М., 2001.

³³ Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России //Полис. 1997. №1. С. 79.

слабоструктурированном, внеинституциональном характере политического господства. Президент признавался в качестве центра принятия политических решений лишь благодаря роли арбитра в перманентном конфликте различных властных группировок. Конфликт генерировался постоянным противопоставлением различных политических институтов. В такой форме воплощался принцип «сдержек и противовесов».

В.В. Путиным была принята новая модель политико-административного правления, в центре которой находился уже не столько «управляемый конфликт» различных частей государственного аппарата, сколько система иерархического подчинения основных политико-административных институтов президентской власти. Таким образом, указанная тенденция привела к интеграции на корпоративистских началах подавляющего большинства бюрократических групп интересов в единую властно-управленческую вертикаль во главе с президентом страны.

Во-вторых, влияние групп интересов крупного российского бизнеса на государственную политику претерпело ограничения и изменения. Данная тенденция проявилась в формулировании новых, неформальных правил взаимодействия бизнеса и государства, в соответствии с которыми большой бизнес должен:

- быть лоялен по отношению к государству;
- спонсировать экономические, социальные и политические проекты власти;
- принять на себя социальную ответственность за отрасли и регионы, где он доминирует;
- не поддерживать оппозицию³⁴.

Таким образом, в результате принятия данных правил произошло не только сокращение политического влияния групп интересов крупного бизнеса, но и фактическое включение данных групп на основе корпоративистских механизмов в действующую политико-административную вертикаль власти.

В-третьих, власть пытается включить в управленческую вертикаль массовые, не элитные группы интересов. Данная тенденция выразилась в создании сверху целого ряда институтов социально-политического взаимодействия (гражданские форумы, общественная палата и так далее), цель которых состоит в инкорпорации наиболее влиятельных общественных организаций для их использования в качестве медиаторов государства в диалоге с обществом. Таким образом, предполагается, что все наиболее значительные массовые группы интересов будут интегрированы в сформированную в России политико-административную вертикаль власти.

---

³⁴ Мухин А.А. Новые правила игры для большого бизнеса, продиктованные логикой правления В.В. Путина. – М., 2002. С. 4.

Таким образом, современный политический режим России предполагает отход от плюралистической и возвращение к корпоративистской модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества. И хотя принципы социально – политического взаимодействия за последнее время существенно трансформировалось, качественное состояние институтов гражданского общества не претерпело значительных изменений. На настоящий момент уровень развития указанных институтов в России все еще остается крайне низким по сравнению с ведущими демократическими странами мира. Данное обстоятельство определяется такими фундаментальными факторами, присущими российскому обществу, как низкий уровень социального доверия и отсутствие эффективных навыков социальной самоорганизации³⁵.

Следует отметить крайне низкий уровень институционализированных форм социально-политического участия граждан в деятельности политических партий, профсоюзах, общественных и религиозных организациях, органах местного самоуправления. Среди основных причин общественной и политической пассивности россиян доминируют такие как занятость своими делами и уверенность в том, что их общественная деятельность не будет результативной. К негативным факторам влияющим на гражданскую активность граждан можно отнести разобщенность, отсутствие взаимопомощи и сопричастности.

В заключение можно констатировать, что уровень развития институтов гражданского общества и их функциональность в современной России является явно недостаточным. Не имеет однозначного ответа вопрос, каким образом может сказаться ограничение политического плюрализма, характерное для современного политического режима, на развитии институтов гражданского общества в России. С одной стороны, пресечение чрезмерного влияния привилегированных элитарных групп интересов создает некоторый простор для самоорганизации не элитных групп общества, что делает систему социально-политического взаимодействия более сбалансированной. С другой – все более закрытый, властноцентрический характер данной системы не способствует деятельному включению различных социально-политических сил в процессы выработки государственной политики и сокращает возможности эффективного социально-политического взаимодействия.

Список литературы

1. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 2001.
2. Береснева О. Н. Диссидентское движение как явление общественно-политической жизни СССР в 1960-1980 годах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Саратов.2001.С.44.

---

³⁵ См.: Власть и народ в России: Обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка. М., 2003. С. 13 – 18.

3. Бреслауэр Дж. В защиту советологии // Современная сравнительная политология: хрестоматия. М., 1997. С. 267.
4. Власть и народ в России: Обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка. М., 2003. С. 13 – 18.
5. Гаман-Голутвина О. В. Бюрократия или олигархия? // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000. С. 162-172.
6. Генер М., Некрич А. История России. 1917-1995. В 4-х т. Т. 2. М.1996. С.231,268.
7. Гозман Л.Я. Психологические аспекты торможения социальных изменений //Вопросы психологии. 1988. №6. С. 5-14.
8. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. В 2т. М., 2000.
9. Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. И.И. Кальной. – СПб. 2006. С. 196.
10. Грушин Б. А. Процессы массовизации в современном обществе // Рабочий класс и современный мир. 1988. № 6. С. 30-47.
11. Дилигенский Г.Г. Существует ли в России гражданское общество? //Поговорим о гражданском обществе. М., 2001.
12. Кива А. В. Российская олигархии: общее и особенное // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 18 – 28.
13. Кордонский С. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М., 2000. С. 45.
14. Кузьмин В.Н. От правозащитного движения к многопартийности в России. (1965-1996 гг.) Кемерово. 1997.С.42.
15. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995.
16. Лепехин В. А. От административно-политической диктатуры к финансовой олигархии //Общественные науки и современность. 1999. №1 С.66 – 82.
17. Лепехин В. Лоббизм. М., 1995. С. 3—24.
18. Лоббизм в России: Этапы большого пути. М., 1995. С. 10-14.
19. Лопушанский И.И. Политическая жизнь Санкт-Петербурга. 1703 – 2003. СПб. 2003. С. 53 – 60.
20. Маслова А.Г., Маслова А.О. От социального конформизма к политическому участию //Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1992. №2.
21. Мухин А.А. Новые правила игры для большого бизнеса, продиктованные логикой правления В.В. Путина. – М., 2002. С. 4.
22. Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма //Погружение в трясины: (Анатомия застоя). М., 1991. С. 31 – 62.
23. Одайник В. Психология политики: Политические и социальные идеи К. Г. Юнга. М., 1996; Московичи С. Век толпы. М., 1997.
24. Павроз А.В. Генезис российской экономической олигархии (начало – середина 90-х годов) //Современные аспекты экономики. 2004. №3 (54). С. 197 – 202.
25. Пляйс Я. Возникновение и этапы развития гражданского общества //Обозреватель. 2007. №5. С. 72.
26. Российское общество и радикальные реформы: Мониторинг социальных и политических индикаторов. М., 2001. С. 153-156.
27. Русина Ю.А. Самиздат или форма проявления инакомыслия в 1960 – 1980 –е гг. //Российская интеллигенция: критика исторического опыта. Тезисы докладов Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 80- летию сборника «Смена вех», 1-2 июня 2001 года. Екатеринбург. 2001. С.188.
28. Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России //Полис. 1997. №1. С. 79.
29. Солженицын А.И. Жить не по лжи! //Век XX и мир. 1989.№2.С.23.
30. Соловьев В.Н. Условия формирования гражданского общества в России. М., 2008. С. 18-19.
31. Шацкий Е. Протолиберализм: автономия личности и гражданское общество // Политические исследования. 1997. № 5. С.69, 78, 83,84, 85.
32. Шнайдер Э. Россия после выборов //Вестник аналитики. 2004. №2. С. 10.
33. Якимов В. Создание работающих механизмов социального взаимодействия – шанс для возрождения России //Профессионалы и сотрудничество. М., 2000. Вып.4. С. 155 – 156.